

Глава 1

Говорят, нужно совсем немного времени, чтобы жизнь перевернулась с ног на голову.

Мгновение.

Секунда.

И все кончено.

Я должна была знать. Если бы я знала это тогда, я бы поступила по-другому.

Может быть, я бы пошла другим путем.

Может быть, моя история закончилась бы не так, как она закончилась.

Но что толку в этих «может быть»? Они бессмысленны.

Я поднимаю руку и несколько раз машу своей тете, стоя на старом тротуаре Викторианской эпохи. Она машет мне в ответ из окна своей серебристой «Ауди», сверкая ослепительной улыбкой.

Рыжие волосы тети Блэр никогда не теряли своего огненного, естественного цвета, ниспадая идеальными волнами на плечи. У нее тонкие скулы и высокая, стройная фигура модели, по сравнению с которой мое неуклюжее шестнадцатилетнее тело выглядит картошкой.

Я хочу быть такой, как она, когда вырасту. Не только в плане внешности, — хотя я бы никогда не отказалась от рыжих волос, — но и в трудолюбии и индивидуальности. Она партнер своего мужа в их процветающем бизнесе. Их маленькая компания «Куин Инжиниринг» с каждым

днем становится в десятки раз больше, и я не могла бы гордиться ими еще сильнее.

— Покажи им, на что ты способна, Элси! — Она несколько раз свистит мне.

— Тетя! — Мое лицо пылает, когда я оглядываюсь по сторонам, высматривая кого-нибудь, кто мог услышать ее фразу. — Эльза. В школе я просто Эльза.

— Но мне нравится Элси. — Она мило надует губы, как в аниме. Ее телефон звонит знакомой рабочей мелодией, она хмурится, когда проверяет входящий, прежде чем отклонить его. — С тобой все будет в порядке, милая?

Я киваю.

— Тебе не обязательно было меня везти.

— Я бы ни за что на свете не пропустила первый день моей Элси в этом огромном месте. — Она делает движение рукой вокруг, обводя пространство. — Чертова Королевская Элитная Школа! Ты можешь в это поверить?

— Меня бы здесь не было без тебя и дяди.

— О, прекрати это. Возможно, мы и подергали за несколько ниточек, но если бы у тебя не было хорошей успеваемости, ничего бы не вышло.

И денег. Она забывает упомянуть, что обучение здесь стоит целое состояние и несколько проданных на черном рынке органов. И все ради того, чтобы я оказалась среди элиты.

Тем не менее тяжесть, давившая мне на грудь, немного ослабевает от ее заразительного энтузиазма.

— Командная работа, значит.

— Командная работа! — Она открывает дверцу своей машины и со свистом выбегает наружу, чтобы заключить меня в объятия мамы-медведицы.

Я пытаюсь игнорировать то, насколько странным, должно быть, это считают мои будущие одноклассники, и обнимаю тетю. Запах лосьона с ароматом какао и духов «Нина Риччи» окутывает меня безопасным коконом.

Когда она отстраняется, ее кобальтово-голубые глаза блестят от непролитых слез.

— Тетя?..

— Я просто так горжусь тобой, милая. Посмотри на себя, ты такая взрослая и так похожа на... — Она замол-

кает и вытирает влагу под глазом тыльной стороной указательного пальца.

Ей не обязательно произносить это вслух, чтобы я уловила смысл.

Я так похожа на свою маму. В то время как тетя пошла в моего рыжеволосого дедушку, мама пошла в мою светло-волосую бабушку.

По крайней мере, так мне говорили.

Боль, которая никогда не утихала, всплывает, как демон из темной, мутной воды.

Время все лечит — большая жирная ложь.

Спустя восемь лет я все еще чувствую ее. Потерю.

Это все еще ноет.

Это все еще причиняет боль.

Это все еще вызывает пугающие кошмары.

— Боже, я веду себя так сентиментально! — Тетя Блэр еще раз быстро обнимает меня. — Не забывай про свои лекарства, и никакой вредной пищи. Задай им жару, милая.

Я жду, пока она сядет в свою машину и что-то крикнет расслабившемуся водителю перед ней. У тети нет тормозов, когда дело доходит до ее драгоценного времени. Вот почему я чувствовала себя виноватой, когда она настояла на том, чтобы отвезти меня.

Как только ее машина исчезает вдаль, я борюсь с желанием позвонить ей и сказать, чтобы она возвращалась.

Теперь я действительно предоставлена сама себе.

Независимо от того, сколько мне лет, чувство абсолютной растерянности — не то, что я когда-то смогу забыть.

Я смотрю на массивное здание передо мной.

Старая архитектура создает жутковатое ощущение. Десять высоких башен украшают периметр главного здания школы. Трехэтажная школа расположена на большом участке земли, окруженном огромным садом, который больше подходит для дворца, чем для учебного заведения.

Королевская Элитная Школа — это, по сути, ее название.

Расположенная на окраине Лондона, школа была основана королем Генрихом IV в начале четырнадцатого века для обучения ученых, которые позже служили при

его дворе. После его смерти каждый последующий король использовал школу для воспитания своих лучших подданных.

Позже школа стала принадлежать аристократическим семьям и влиятельным фигурам. Здесь самые суровые и закрытые условия поступления. По сей день Королевская Элитная Школа, или КЭШ, принимает только один процент интеллигентной и неприлично богатой элиты. Здешние дети наследуют высокий IQ наряду с огромными банковскими счетами своих родителей.

Большинство премьер-министров, членов парламента и бизнес-магнатов окончили эту школу.

Привилегированное образование может дать мне уверенный толчок к поступлению в Кембридж. Тетя Блэр и дядя Джексон учились там, и они мои образцы для подражания во всем.

Моя мечта принадлежит им. Командная работа.

Это мой шанс отмыться ото всех слухов в моей старой школе и начать все заново.

Новая страница.

Новая глава.

Пустая книга.

Я смотрю вниз на свою униформу, которую тетя выгладила до совершенства, и очаровательные черные балетки — подарок дяди Джексона. Синяя юбка обтягивает мою талию и расширяется чуть выше колен, где чулки до бедер подчеркивают мои длинные ноги.

Моя белая рубашка на пуговицах заправлена в юбку с высокой талией. Темно-синяя лента обвивается вокруг моей шеи как изящный галстук. Я также ношу форменную школьную куртку, на которой выгравирован золотой символ школы: щит, лев и корона.

Мои белокурые волосы, собранные в пушистый хвост, спадают мне на спину. Я превзошла саму себя, нанеся немного макияжа: тушь подкручивает мои ресницы и подчеркивает детские голубые глаза. Я даже воспользовалась тетиными духами «Нина Риччи».

Сегодня день, который определит мою жизнь на ближайшие три года. Черт возьми, он определит мою даль-

нейшую жизнь, если — *когда* — я поступлю в Кембридж, так что мне нужно все делать правильно.

Проходя через огромную каменную арку школы, я пытаюсь подражать уверенности других учеников. Это тяжело, когда я уже сейчас чувствую себя аутсайдером. Здешние студенты носят свою безупречную форму так, будто она сшита из пропитанной золотом ткани. От их болтовни и каждого размеренного шага веет аурой высокопоставленного, влиятельного и немного чванливого человека.

Девяносто процентов учащихся Королевской Элитной Школы посещали Королевскую Элитную Среднюю Школу до этого года. Они болтают друг с другом как старые друзья, воссоединяются после летних каникул, в то время как я выделяюсь белой вороной.

Снова.

Колкий зуд зарождается у меня под кожей и распространяется по рукам. Мое дыхание становится глубже, а шаги — энергичнее, когда воспоминания возвращаются.

Бедняжка.

Ты слышал, что случилось с ее родителями?

Слышал, что она что-то вроде благотворительного проекта для оставшейся родни.

Я отмахиваюсь от этих голосов и пробиваюсь сквозь них. На этот раз я полна решимости слиться с толпой. Никто здесь не знает о моем прошлом, и если они не станут искать целенаправленно, то никогда не узнают.

Эльза Куин — новый человек.

У входа я замечаю студентку, которая избегает толпы, пробираясь по боковой дорожке, ведущей к огромным двойным дверям. Я обращаю на нее внимание, потому что я тоже размышляла о подобном пути.

И хотя я бы с удовольствием вписалась в толпу, этот живой муравейник вызывает у меня знакомый зуд под кожей.

Юбка студентки-одиночки больше. Она полная, и у нее самые мягкие и симпатичные черты лица, которые я когда-либо видела у девушки моего возраста. Со своими огромными округлыми глазами, пухлыми губами и запле-

тенными в косу длинными каштановыми волосами она выглядит почти как ребенок.

И она первая в этой школе, кто не вызывает у меня ощущения «неприкасаемости».

Я догоняю ее и подстраиваюсь под ее быстрый темп ходьбы.

— Доброе утро.

Ее голова поворачивается в мою сторону, но уже спустя секунду она вновь смотрит себе под ноги и крепче сжимает ремешок своей сумки.

— Извини. — Я одариваю ее своей самой приветливой улыбкой. — Я не хотела тебя напугать.

Возможно, она тоже одна из новеньких здесь и чувствует себя растерянно.

— Ты не должна говорить со мной, — шепчет она себе под нос. Даже голос у нее милый.

— Почему?

Она впервые смотрит на меня такими зелеными глазами, что они почти сверкают, подобно тропическому морю.

— Вау. У тебя красивые глаза.

— С-спасибо. — Ее губы изгибаются в неуверенной улыбке, как будто это не то, что она хотела сделать. Говоря, она пинает воображаемые камни. — Ты слишком хорошенькая, тебе не следует разговаривать со школьным изгоем.

— Изгоем? — недоверчиво повторяю я. — Нет такого понятия, как изгой. Если я захочу поговорить с тобой, я это сделаю.

Она прикусывает нижнюю губу, и, клянусь, у меня руки чешутся ущипнуть ее за очаровательные щечки.

— Ты тоже здесь новенькая? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Я училась в КЭМШ.

— КЭМШ?

— Королевская Элитная Младшая Школа.

— Оу.

Учитывая, что она не была в толпе людей, я предположила, что она новенькая. Возможно, ее друзья еще не приехали.

— Хочешь, я покажу тебе окрестности? — спрашивает она неуверенным, тихим голосом.

Я приезжала на экскурсию летом с тетей и дядей, но не откажусь от шанса сблизиться со своим первым потенциальным другом.

— Конечно. — Я переплетаю свою руку с ее. — Как тебя зовут?

— Кимберли. А тебя?

— Эльза — и в свою защиту скажу, что я родилась задолго до выхода диснеевского фильма.

Она издает легкий смешок.

— Твои родители, должно быть, обладают экстрасенсорными способностями.

— Тетя сказала, что мама назвала меня в честь шведской медсестры, которая спасла много людей в обеих мировых войнах и получила прозвище Ангел Сибири. Знаешь, Сибирь, Эльза, а затем и Холодное сердце, ледяная принцесса? Так что, возможно, у мамы действительно были экстрасенсорные способности. Довольно неубедительно. Я знаю.

— Нет. Это так круто!

Ее застенчивость медленно проходит, пока мы идем вместе. Теперь, когда у меня есть кто-то знакомый, я не чувствую себя такой одинокой и подавленной.

Моя улыбка становится шире, когда Кимберли показывает мне элегантные, огромные классы. Раздевалки. Бассейн — который я избегаю. Кабинет директора, про который она шутит, что посещают его только по-шекспировски трагичным причинам.

Мои три года в КЭШ будут замечательными. Я почти чувствую это.

Как только мы достигаем огромного ярко-зеленого футбольного поля, меня охватывает головокружение другого рода. Не только потому, что я страшная фанатка Премьер-лиги и ярая фанатка «Арсенала», как и дядя, но и из-за длинной дорожки, окружающей поле.

В этой школе определенно оборудование лучше, чем в моей предыдущей, и я могу продолжать бегать как обычно. Надеюсь, мое больное сердце больше не будет капризничать.

Толпа студентов собирается возле электропроводки, которая окружает поле. Нетерпеливый шепот и возбужденные взгляды витают в воздухе, и на вкус это чувствуется как Рождество или первое посещение парка развлечений. Кажется, всех естественным образом тянет в это место, и они продолжают множиться с каждой секундой.

— Элита.

— Они здесь.

— Я говорю, что это чемпионский год.

— Это точно.

— Ты видела, что этот мелкий засранец вытворял? Он стал еще более незаконным. Я бы его так...

— Заткнись. Он не знает о твоём существовании.

Пока все радостно болтают, Кимберли стоит у стены, ведущей к выходу. Ее легкая, хотя и робкая улыбка увядает, а светлая кожа еще больше бледнеет.

Я присоединяюсь к ней и прослеживаю за ее взглядом.

На поле игроки футбольной команды передают мяч друг другу головами или плечами. Они не играют и даже не в футболках команды. Школьная форма для девочек красивая, но для мальчиков — просто великолепная, особенно если у этих самых мальчиков подтянутые тела.

Они носят темно-синие брюки, белые рубашки и приталенные пиджаки, как у женской униформы. Разница лишь в том, что у парней в комплекте красные галстуки с символикой школы.

Внимание толпы переключается на четырех парней, стоящих в стороне, наполовину играющих с командой, наполовину болтающих друг с другом.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что они в своей собственной лиге.

Взгляд Кимберли остается прикованным к самому высокому парню, который подбрасывает мяч в воздух и смеется как начинающая молодая кинозвезда. У него классическая красота золотого мальчика — прилизанные светлые волосы, острый подбородок, загорелая кожа и ослепительная улыбка, сверкающая даже с такого расстояния.

Однако на лице Кимберли нет выражения восхищения или волнения, как у всех присутствующих. Оно больше похоже на... страх?

— Кто они такие? — спрашиваю я, когда любопытство берет надо мной верх.

— Они — элита из элиты, — ее голос дрожит, серьезно, он действительно *дрожит*. — Если ты хочешь иметь мирную жизнь в КЭШ, ты должна быть на их стороне.

— Это нелепо, — дети не могут владеть школой. — Кто этот золотой мальчик?

— Ксандер Найт, и он само определение слова «проблема», — выпаливает она быстро, как будто ее задница горит. — Ты мне нравишься, Эльза, и я действительно имею это в виду, когда говорю: *держись подальше*.

В любом случае этот тип меня не интересует. Я бросаю на него последний взгляд, чтобы еще раз все обдумать.

Волосы у меня на затылке встают дыбом, как иголки, когда я встречаюсь с самыми дымчатыми, самыми леденящими душу глазами, которые я когда-либо видела.

Я не заметила его раньше, потому что он был наполовину скрыт Ксандером и его мячом. Он почти такого же роста, как Ксандер, но с более развитыми плечами. В его униформе отсутствует галстук, а сам он выглядит невероятно красивым. Чернильно-черные волосы длинные и гладкие сверху, а по бокам зачесаны назад в своеобразном подобии андерката. Его нос аристократически прямой с неглубокой переносицей, хотя и кажется немного неровным при определенном ракурсе, будто ему раньше его ломали. Это маленькое несовершенство добавляет ему еще большей таинственности.

Что-то шевелится у меня в груди. Я не знаю, что это, но оно просто чувствуется где-то внутри.

Как будто заключенный прятался в уголках моей груди и теперь решил, что хочет быть освобожденным.

Я не могу оторвать от него взгляд, хоть и понимаю, что мне не стоит так открыто пялиться на него.

Он немо смотрит на меня со странным маниакальным интересом, слегка наклонив голову, будто видит старого друга.

Или врага.

— Черт! Черт! — Кимберли хватает меня за куртку и тянет в направлении выхода.

— Что?.. — Я недоверчива и немного растеряна из-за разрыва зрительного контакта с этим парнем.

— Просто иди, Эльза, — шипит она, когда ее быстрые шаги стучат по тротуару.

— Почему ты уводишь меня?

— Король, — бормочет она себе под нос. — Чертов Эйден Кинг.

— И... кто это?

— Он тот, кто делает все, чтобы соответствовать своей фамилии*. Наследник «Кинг Энтерпрайес» и этой чертовой школы. Его родители и другие владеют этим местом, и, поверь мне, ты не хочешь иметь с ними дел.

— Хорошо.

Я ни хрена с ним не хочу. Он слишком привлекателен для этого. Я не могу понять, что на меня нашло, когда я встретила с ним взглядом.

Парни меня не интересуют. Я слишком зануда для этого, и учеба всегда была выше любой любовной драмы.

Это не изменится.

Особенно с учетом того, что теперь моя мечта о Кембридже находится в пределах досягаемости.

Тогда почему мне не терпится еще раз взглянуть в эти металлические глаза?

— О черт! — Кимберли снова чертыхается. — Они идут сюда.

Я оглядываюсь через плечо и... конечно же, Эйден и Ксандер направляются к нам, а остальная футбольная команда следует за ними, как банда в фильме о мафии. Весь смех затихает, и даже болтовня случайных прохожих резко прекращается, и в воздухе воцаряется гробовая тишина.

Толпа расступается перед ними, как красное море расступилось перед Моисеем.

* Фамилия главного героя King, что переводится как «король». Это игра слов, использованная автором.

— Беги! — Кимберли шепотом кричит, ее ногти впи-
ваются в мое запястье до тех пор, пока я не чувствую, что
выступает кровь.

— С чего бы мне убежать?

Из-за моей борьбы с Кимберли они добираются до нас
в мгновение ока и блокируют наш эпически неудачный
побег к выходу.

Вблизи ресницы Эйдена густые и такие же черниль-
ные, как и его волосы. Маленькая красивая родинка сидит
в уголке его глубокого дымчатого глаза.

Он смотрит на меня сверху-вниз холодным, затума-
ненным взглядом, который соответствует цвету его глаз.

Называйте это инстинктом, но что-то подсказывает
мне, что я должна его бояться.

Как тот заключенный, что-то цепляется за уголки
моей груди, крича мне бежать и никогда не оглядываться
назад.

Это нелепо. Я не знаю Эйдена, почему я должна убежать?

— Это же Берли? — спрашивает Ксандер Кимбер-
ли бесстрастным тоном, прежде чем его губы кривятся
в жестокой ухмылке. — В этом году ты выглядишь еще
зануднее.

Все вокруг нас разражаются смехом, бросая в ее сто-
рону оскорбительные замечания. Мои щеки краснеют, но
это не из-за смущения.

Кровь закипает от желания разбить взгляд золотого
мальчика Ксандера о землю.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но меня пре-
рывают, когда Ким опускает голову. Ее губы дрожат, когда
она пробегает мимо Ксандера к выходу.

Он следует за ней с ухмылкой на губах.

Я должна была предвидеть, что произойдет в следую-
щую секунду.

Должна была.

Сильная рука обхватывает мое горло и прижимает к
стене. Моя спина ударяется о кирпич, и боль пронзает
позвоночник, стягивая спазмом низ живота.

Я всегда считала себя храброй, но ничто, абсолютно
ничто не могло подготовить меня к этому внезапному,

агрессивному нападению со стороны совершенно незнакомого человека.

Серые глаза, которые я считала прекрасными несколько секунд назад, вливаются в мою душу с намерением убийцы, не иначе. Тень на его лице пугает меня больше, чем его хватка на моем горле.

Другой рукой он сжимает мою челюсть, и мои губы дрожат при мысли, что он свернет мне шею.

— Ч-что ты делаешь?!

Он наклоняется вперед, так что его рот оказывается в нескольких дюймах от моего, и рычит:

— Я уничтожу тебя.

Эти слова решают мою судьбу.

Глава 2

Два года спустя

Выпускной год. Последний год перед Кембриджем. Могу я пропустить все это и все равно оказаться в Кембридже?

Согласно системе обязательных оценок, это невозможно.

«Мини Купер» так резко сворачивает на школьной парковке, что шины протестующе визжат.

Я ахаю.

— Ким!

Она ухмыляется мне, как будто это не она чуть не столкнула нас со столбом.

— Что? Сильвер почти влезла, а я больше не позволю этой сучке переходить мне дорогу.

Мои губы растягиваются в улыбке. Я так горжусь тем, как далеко продвинулась Ким за это лето. Она отправилась в путешествие за саморазвитием и вернулась уверенной в себе, улыбчивой девушкой.

Если бы только я могла избавиться от своего внутреннего хаоса так же успешно, как она!

Она смотрит на свое лицо в зеркале заднего вида.

— Как я выгляжу?

Хотите еще кое-что о поездке Ким? Она похудела более чем на двадцать фунтов и вернулась с потрясающим модельным телом. Даже ее лицо похудело, придав скулам соблазнительный вид. Хотя я действительно скучаю по ее

пухлым щечкам. Мятно-зеленые блики в волосах делают ее похожей на фею. Она носит короткую юбку, слишком короткую. Иногда мне кажется, что даже слабый порыв ветра может открыть окружающим вид на ее нижнее белье.

Я отстегиваю ремень безопасности.

— Ты всегда была хорошенькой, Ким.

— Только для тебя, Элли, — она закатывает глаза. —

И моего отца, но вы, ребята, не в счет.

— Эй, — я хмурюсь. — Грубо.

Она высовывает язык. Решимость искрится в ее темно-зеленых глазах.

— Сегодня я покажу всем этим лошкам, из чего я сделана. Я буду ходить с высоко поднятой головой, как ты.

Я не могу сдержать неловкой улыбки. Ким думает, что я смелая, но она не знает всей правды.

Сильвер стучит в окно Ким, ее ноздри раздуваются.

— Ты жирная сука!

Двое ее карманных болонок следуют за ней, как будто она их мама-утка. Они пыхтят и обмахиваются, но я сомневаюсь, что это как-то связано с погодой.

Сильвер Куинс — это клише дрянной девчонки во всех смыслах. Блондинка. Высокая. Стройная. Ее мать — член парламента. Ее отец — священник. Она также принадлежит к числу лучших учениц школы. Иначе говоря, всегда в первой десятке.

У нее есть все, и она следит за тем, чтобы все в Королевской Элитной Школе знали об этом.

Ким опускает стекло, улыбается Сильвер и показывает средний палец.

— Пошла ты, сука.

Челюсти Сильвер и ее подруг отвисают так сильно, так быстро, что они теряют дар речи.

Я тоже теряю.

Моя лучшая подруга не ругается и уж точно не выводит людей из себя — или хулиганов, если быть точнее.

Ким изменилась не только внешне. Не-а. Миру определенно нужна эта волшебная поездка, в которой была Ким.

— Пойдем, Элли. — Ким открывает свою дверь, отталкивая ошарашенных дрянных девчонок назад.

Я беру свой рюкзак и тоже выхожу. Я высоко держу голову и смотрю на Сильвер сверху вниз.

— На что пялишься, Отмороженная? — рычит Сильвер. Конечно.

Любимое прозвище в КЭШ. Переименованная, отвратительная пародия на «Холодное сердце»*.

Но это не из-за диснеевского фильма. Нет.

С самого первого дня, как я вошла на территорию КЭШ, меня заклеили изгоем.

Ким и я были главными героями всех шуток про толстяков и задротов. Пока Ким — прежняя Ким — пряталась в саду за школой, ожидая, когда все разойдутся по классам, я ходила по коридору с высоко поднятой головой.

Тетя и дядя воспитывали меня не для того, чтобы меня топтали. Я держалась особняком, но никогда не позволяла им задевать мое достоинство.

Очевидно, у меня лицо холодной сучки. Отсюда и прозвище.

— О, прости. — Я сохраняю нейтральное выражение лица, когда встречаюсь со злобным взглядом Сильвер. — Ты недостаточно важна для меня, чтобы пялиться.

Я беру Ким под руку и вхожу в огромные двери школы. Десять башен выглядят жутковато, будто они прямоком из фильма ужасов, а не часть престижной старой архитектуры.

Но, опять же, именно так я классифицировала КЭШ с того первого дня.

Мои руки становятся липкими, а тело напрягается, как будто я готовлюсь вступить в бой.

Ким улыбается, но улыбка выглядит натянутой, и ее горло тревожно подергивается.

* Оригинальное название диснеевского мультфильма «Frozen», где одной из главных героинь является принцесса Эльза, дословно переводится как «Замерзшая». В русской адаптации фильм получил название «Холодное сердце».